

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики, декан филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
 kunilsky@psu.karelia.ru

О ПОНЯТИИ «ЖИЗНЬ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В статье затрагивается один из главных концептов мировой культуры – «жизнь», ставится вопрос о его бытовании в русской литературе XIX века. Значение концепта рассматривается на примере творчества Пушкина, Гоголя, Достоевского, приводятся примеры из произведений других писателей.

Ключевые слова: русская литература XIX века, концепт, «жизнь», философия жизни

Среди основных концептов мировой культуры, или, по выражению А. В. Михайлова, «ключевых слов культуры», в которых «отложилось самоуразумение – саморефлексия культуры» [13; 540, 547], особая роль принадлежит слову «жизнь».

В конце XIX – начале XX века в Европе возникает своеобразный культ жизни, проявляющийся в самых разных сферах (в науке, искусстве, в обыденном сознании). Это констатирует известный философ Генрих Риккерт в своей работе 1922 года «Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени» [16; 11, 12 и др.]. В России подобное наблюдение было сделано еще раньше – в книге профессора Киевской духовной академии П. И. Линицкого: «В качестве идеала ничего лучшего не придумано, как только любовь к жизни, жизнерадостность» [11; 213].

Распространение культа жизни Г. Риккерт связывал прежде всего с влиянием философии Ницше, хотя отмечал при этом, что у него здесь были предшественники – Гете, немецкие романтики, Шопенгауэр и «в некотором отношении также Рихард Вагнер» [16; 24].

Если в немецкой культуре слово «жизнь» приобрело особое очарование со времен Ницше, то в России, как представляется, это произошло гораздо раньше. Конечно, здесь можно опять же усмотреть влияние немецкой культуры (что, как правило, и делается исследователями). Да, Гете, Шиллер, немецкие философы и литераторы-романтики [1] в разной степени могли научить особому отношению к слову «жизнь» Жуковского, Языкова, Гоголя, славянофилов (очевидно, именно Н. М. Языков впервые на русском языке использовал выражение «живая жизнь» [10; 76–77]). Но вот Пушкин никогда не находился под обаянием немецкой культуры, а у него образ «жизни» играет очень важную роль с самых первых произведений [17].

В ранней лирике Пушкина дают о себе знать и идущая из XVIII века гедонистическая традиция в литературе, и особенности юношеской психологии, и характер эпохи. Вся проблема для юного Пушкина заключалась в том, чтобы

не чувствовать себя незванным гостем на «жизненном пиру» («Князю А. М. Горчакову», 1817), чтобы испить из «чаши жизни» («Кривцову», 1817; «Нет, нет, напрасны ваши пени...», 1819), чтобы не дать «цвету жизни» («Элегия», 1816) засохнуть, а для этого нужно одно: любить. Словом – «пока живется нам, живи...» («К Каверину», 1817). Правда, уже в этот период появляется выражение «тяжелый жизни сон» («К ней», 1815).

Первые печальные опыты взрослой жизни и влияние Байрона приводят Пушкина-романтика к разочарованию в жизни. Причем знаменательно то, что этот мотив разочарования в жизни оказывается связанным, с одной стороны, с темой демона, а с другой – с проблемой бессмертия души. Именно демон, который сам «на жизнь насмешливо глядел» («Демон», 1823), внушает лирическому герою Пушкина взгляд на жизнь как на «бедный клад» («Бывало, в сладком ослепленье...», 1823). Еще более выразительное определение жизни появляется в стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (1823), где именно невозможностью веры в бессмертие души объясняется привязанность к земному существованию:

Когда бы верил я, что некогда душа,
 От тленья убежав, уносит мысли вечны,

 Клянусь! Давно бы я оставил этот мир:
 Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир...

Разочарование в жизни становится лейтмотивом в финале романа «Евгений Онегин». Онегин констатирует («Отрывки из путешествия Онегина»):

Я молод, жизнь во мне крепка;
 Чего мне ждать? Тоска, тоска!..

Татьяна о своем настоящем говорит: «Постылой жизни мишура» (гл. 8, XLVI). И наконец, автор признается, что ему невыносимо «глядеть на жизнь, как на обряд» (гл. 8, XI), жалеет об окончании труда, который давал «забвенье жизни» (гл. 8, L), и называет блаженными тех, кто

оставил роман жизни недочитанным, то есть рано покинул «праздник жизни» (гл. 8, LI).

В лирике конца 1820-х – начала 1830-х годов мотив жизни приобретает особую смысловую и художественную весомость. В «Воспоминании» (1828): «И с отвращением читая жизнь мою». В том же году:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?

.....
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.
(«Дар напрасный, дар случайный...»)

(Ср. у Достоевского в письме к брату от 22 декабря 1849 года после обряда смертной казни: «Жизнь – дар, жизнь – счастье...» [6; Т. 28/1; 164].) В «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830) есть выражение, которое врезается в память: «Жизни мышья беготня...» Вместе с тем в произведениях Пушкина этого периода мы находим благословение «младой жизни», которая будет играть «у гробового входа» тогда, когда поэта уже не станет («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), и признание счастливым человека, который понял «жизни цель», – а она в том, чтобы жить для жизни («К вельможе», 1830). У Пушкина появляется желание понять жизнь, отыскать ее смысл («Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу...» – «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»), антигедонистическое отношение к жизни: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» («Элегия», 1830).

Было бы неправильным полагать, будто в вопросе о жизни Пушкин пришел к тому, что Достоевский называл «покладистой гармонией». Образ жизни, проблема жизни всегда продолжали оставаться для него полными напряженности. Свидетельством этого служит поэма «Медный всадник» (1833). Именно в ней прозвучал горький вопрос – и вопрос этот остался открытым:

...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

Таким образом, можно сказать, что Пушкин с присущей ему ясностью мысли зафиксировал и значимость концепта «жизнь» для человека XIX века, и эксплицировал его содержание, и наметил две основные культурные доминанты – жизнеутверждение и жизнеотрицание. (Напомним, что Альберт Швейцер использует понятия «жизнеутверждение» и «жизнеотрицание» при анализе всех основных религиозных и философских систем [21].)

Двойственное отношение к жизни – с одной стороны, как к ценности, с другой – как к пред-

мету разочарования и отрицания – существовало в русской литературе и до Пушкина. У Карамзина в стихотворении «Берег» читаем:

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой! [8; 286]

Но вот у близкого, казалось бы, к Карамзину Жуковского выражается пиететное отношение к жизни. Как отметил в свое время брат Достоевского Михаил Михайлович, «в поэзии Жуковского везде видна сильная любовь к этой самой жизни...»

И жизнь мне земная священна...
(Теон и Эсхин...») [5; 36]

Очень показательным является отношение к жизни у Гоголя. Как он заметил в «<Авторской исповеди>», «в нынешнее время... все так заняты вопросом жизни» [4; Т. 6; 226]. Сам он, по его словам, давно этим занимался: «Предмет у меня всегда один и тот же: предмет у меня был – жизнь, а не что другое» [4; Т. 6; 216]. При этом образ жизни претерпел у Гоголя существенные изменения. Непосредственная, природная жизнь, или, как он выражается, «Илиада жизни» [4; Т. 7; 69], постепенно теряет для него свои краски. В статье «Светлое воскресенье», вошедшей в состав «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь с болью восклицает: «И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь... исполинский образ скуки... Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в твоём мире!» [4; Т. 6; 191].

Наряду с этим образом черствой жизни у Гоголя возникает и другой образ: «Как бы то ни было, но жизнь для нас уже не загадка» [4; Т. 6; 230]. Как явствует из дальнейших слов Гоголя, эту загадку разрешил Иисус Христос, и здесь писатель, очевидно, имеет в виду Его слова: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14, 6). «Стало быть, вопрос решен: что такое жизнь» [4; Т. 6; 230].

Понятное дело, что эта жизнь не та, о которой речь шла выше.

Антиномичное представление о жизни заложено в Священном Писании. Там понятия «жизнь», «живой» применяются к Богу (Мф. 16, 16), Иисусу Христу («Я есмь воскресение и жизнь» – Иоан. 11, 25) – и к человеку («И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» – Быт. 2, 7), и к Еве, имя которой переводится как «жизнь» (Быт. 3, 20). О двух разных представлениях о жизни – языческом и христианском – писал Жуковский («О меланхолии в жизни и поэзии»): «Правда, у древних все жизнь, но жизнь, заключенная в земных пределах; и далее ничего: с нею всему

конец. У Христиан всё смерть, то есть всё земное, заключенное в тесных пределах мира, ничтожно, и всё, что душа, – нетленно, всё жизнь вечная» [7; 350]. Поэтому распространенное в христианстве отношение к земной жизни можно определить как жизнеотрицание. Так, в одном из своих последних произведений митрополит Московский Филарет (Дроздов) воспроизводит завет святителя Григория Богослова, архиепископа Константинопольского:

Вам же, грядущие, вот заветное слово:
Нет пользы Жизнь земную любить,
Жизнь разрешается в прах [3; 71–72].

Интерес Достоевского к проблеме «жизни», «живой жизни» комментаторы вслед за В. Л. Комаровичем традиционно возводят к славянофилам [6; Т. 17; 286–287], [9; 33]. Это не совсем правильно. Если выражение «живая жизнь» у Достоевского в «Записках из подполья», где оно впервые употребляется, и можно возвести к славянофилам (но опосредованно – через Аполлона Григорьева), то понятие «жизнь» было актуальным уже для раннего Достоевского, еще не читавшего славянофилов.

Начиная с романа «Бедные люди», в котором Девушкин обращается к Вареньке со словами «жизнечок вы мой» [6; Т. 1; 70], жизнь становится не только сферой существования для героев Достоевского, но и входит в их рефлексию, кажется явлением глубоко проблематичным. Как заклинание звучат слова из повести «Неточка Незванова»: «Хотя бы с бурями, с грозами, но только бы с жизнью» [6; Т. 2; 239].

В художественных произведениях молодого Достоевского отражался его собственный опыт. Перенесенные вскоре им «грозы и бури» (арест, заключение, смертный приговор) дали возможность почувствовать не свою жизненную маргинальность, как у мечтателей, а наполненность жизнью: «В человеке бездна тягучести и живучести, и я не думал, чтобы было столько, а теперь узнал по опыту» [6; Т. 28/1; 158].

Достоевский еще неоднократно убедится в присущей ему жизненной силе. 14 апреля 1865 года, прошедший через многие испытания, он удивляется самому себе: «А между тем все мне кажется, что я только что собираюсь жить. Кошечья живучесть» [6; Т. 28/2; 120].

Последняя цитата – из письма, совпадающего по времени с началом работы над романом «Преступление и наказание». Через все произведение, как отметил в свое время Н. М. Чирков, «исступленная любовь к жизни проходит в качестве основного лейтмотива» [20; 104]. Об этом свидетельствуют приводимые ниже цитаты:

«Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить – только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда!» [6; Т. 6; 123].

Раскольников испытывает «необъятное ощущение вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни» (после поцелуя Полечки) [6; Т. 6; 176].

«Смирненно опять: “Не хочу. Мастера жизни не так делали. Они весь свет переворачивали. Они сотнями тысяч как по шахматной доске ходили! Отчего ж они не колебались? Оттого, что были сильны...”» [6; Т. 7; 144].

«Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» (Соня) [6; Т. 6; 322].

«Стало быть, ты в жизнь еще веруешь...» (Дуня) [6; Т. 6; 399].

«...Отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, – прямо на берег вынесет и на ноги поставит. <...> Знаю, что не веруете, а ей-богу, жизнь вынесет» (Порфирий) [6; Т. 6; 351].

«Муки и слезы – ведь это тоже жизнь» [6; Т. 6; 417].

«Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» [6; Т. 6; 422].

В «Преступлении и наказании» отразились две разновидности витализма. Одна из них связана с религиозным сознанием, а вторая – с прогрессистским, испытывающим на себе влияние теории Дарвина. Вторая разновидность представлена в речах Лужина.

Достоевский пишет свой роман в то время, когда слово «жизнь» становится лозунгом у представителей самых разных направлений. Вспомним, в частности, «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова (1856) или «Письма о жизни» Н. Н. Страхова (1860). Как уже говорилось, на Достоевского повлиял Ап. Григорьев, что отразилось в «Записках из подполья». Вместе с тем во второй половине 50-х – начале 60-х годов «жизнь» стала популярным аргументом у прогрессистов и революционеров-демократов. Это придает сложный характер витализму и заставляет, например, иеромонаха Серафима (Роуза) квалифицировать витализм как одну из ступеней духовного падения культуры (либерализм – реализм – витализм – нигилизм). По его мнению, витализм возник как «реакция против исключения высшей реальности из реалистического “упрощенного” мира». Но «витализм, ища жизнь, начинает издавать запах смерти», потому что так и не приходит к Богу [15; 39, 50].

Однако, рассматриваемый с другой стороны, витализм может быть оценен и положительно – как этап на пути к вере. Вальтер Шубарт, автор книги «Европа и душа России» (1938), писал: «Органически-Виталистическая оценка мира есть явление междувременья, переходной стадии, которую человек проходит на пути от механики к метафизике» [22; 106].

Как заметил Г. Риккерт, «философия жизни существовала задолго до того, как слово жизнь стало модным лозунгом. Она исходила из теории Дарвина (а публикация работы Дарвина произошла в 1859 году. – А. К.)... возникает пре-

словутая “борьба за жизнь” или, как обычно переводили по-немецки, за “существование”, что показывает, насколько тогда жизнь не была еще модным лозунгом. В ином случае не оставили бы без передачи английское “life”» [16; 79–80].

Интересно в этой связи отметить то, как повлиял роман «Преступление и наказание» на популяризацию понятия «жизнь» в русской культуре. В 1867 году Писарев опубликовал статью об этом произведении, которая называлась «Будничные стороны жизни». Ее продолжение было напечатано в 1868 году под названием «Борьба за существование». Заглавие «Борьба за жизнь» появилось при публикации работы в Полном собрании сочинений Писарева под редакцией Ф. Ф. Павленкова (1868, ч. 9, с. 204–261) с примечанием, что статья помещена «под тем заглавием, под которым она находится в рукописи» [14; 475]. То есть редакция журнала «Дело» или сам Писарев не решились сразу опубликовать его работу под заглавием «Борьба за жизнь», потому что это слово еще не стало популярным в Европе, предпочтение было отдано уже модному понятию «борьба за существование». Можно предположить, что именно роман Достоевского заставил Писарева почувствовать значимость концепта «жизнь». Правда, он понял его как проявление потребности в существовании, оправдывающей преступление от голода и т. п. Изображения процесса раскаяния он не принял. Совершенно иначе оценил происходящее в романе Н. Н. Страхов: «...прикосновение живой и теплой жизни пробуждает в нем (Раскольникове. — А. К.) муки бессознательного раскаяния» [18; 111].

На особое положение Достоевского в русской культуре с его культом «жизни», «живой жизни» неоднократно указывали разные авторы. Так, М. М. Тареев отметил: «Достоевским сказано много новых слов. Но, может быть, самое драгоценное его новое слово есть это слово о жизни, о любви к жизни больше, чем к смыслу ее» [19; 266].

Вопрос об органичности концепта «жизнь» для Достоевского и всей русской культуры вызывал споры и в начале, и в конце XX века. В работе В. В. Вересаева «О Достоевском и Льве Толстом» (1910) первому из писателей автор отказывал в способности быть выразителем, так сказать, витального начала — в отличие от второго, о котором вскоре издаст книгу под названием «Художник жизни (О Льве Толстом)» (1921). Как известно, выражение «художник жизни» Вересаев заимствовал у самого Толстого, который когда-то применил его к Чехову.

Г. Д. Гачев однажды написал: «И еще не русск Достоевский в культе Жизни — как ради себя. В России просто жить — стыдно! А разве что ради идеи, цели» [2; 50]. В свою очередь, Дэвид Герберт Лоуренс говорил о победе нам авитализмом у Достоевского, Леонтьева, Розанова [12; 493], очевидно, имея в виду определенную обособленность этих писателей в России. При всем этом можно сказать, что своеобразная «философия жизни» существовала в русской литературе XIX века и играла в ней очень важную роль. Изучение этого феномена, на мой взгляд, нуждается в специальном исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельская Р. В. Понятие жизни в философии немецкого романтизма: Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2006. 159 с.
2. Гачев Г. Д. Религия Достоевского // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 44–52.
3. (Гоголев) Г е н н а д и й, а р х. Святитель Филарет (Дроздов) (1782–1867) как духовный писатель // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 1. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. С. 59–72.
4. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994.
5. Достоевский М. М. Жуковский и романтизм // Пантеон. СПб., 1852. Т. 3. Кн. 6. Отд. II. С. 21–43.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985. 431 с.
8. Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с.
9. Комарович В. Л. Роман «Подросток» как художественное единство // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Л.: М.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 31–70.
10. Кунильский А. Е. О возникновении концепта «живая жизнь» у Достоевского // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. «Филология». СПб., 2008. № 1 (9). С. 75–82.
11. Липницкий П. И. Философские и социологические этюды. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1907. 236 с.
12. Лоуренс Д. Г. «Уединенное» В. В. Розанова // В. В. Розанов: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1995. Кн. II. С. 490–494.
13. Михайлов А. В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. 848 с.
14. Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.: Наука, 2005. Т. 9. 552 с.
15. Платинский Серафим, о. (Розенберг Г. И.). Человек против Бога / Рос. отд. Валаамского об-ва Америки. М.: Т-во рос. изд., 1995. 93 с.
16. Риккерт Г. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Пер. с нем. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. Пг.: Academia, 1922. 167 с.
17. Словарь языка Пушкина. Т. 1. А—Ж. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 806 с.
18. Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.
19. Тареев М. М. Ф. М. Достоевский // Тареев М. М. Основы христианства. Изд. 2-е. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908. Т. 4. 423 с.
20. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. 303 с.
21. Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
22. Шубарт В. Европа и душа России / Пер. с нем. В. Васильева (Востокова). Изд. 3-е. Frankfurt am Main: Посев, 1948. 125 с.